

МАТТЮ ГАТРИ И ЕГО «ПУТЕШЕСТВИЕ» В ИСТОРИЮ КРЫМА*

В статье рассматривается одно из первых исследований прошлого Крымского полуострова — сочинение шотландского врача на русской службе Маттью Гатри (1743–1807). Написанное в жанре «вымышленного путешествия», якобы совершенного покойной супругой Гатри, эта книга является хорошим примером того, как люди эпохи Просвещения изучали прошлое, их взглядов, рабочих методов и познавательных практик.

К л ю ч е в ы е с л о в а: история и археология Крыма; античные и средневековые памятники Крыма; записки путешественников XVIII–XIX вв.; воображаемая география.

Доктор медицины Маттью Гатри (1743–1807), шотландец по происхождению, большую часть жизни провел в России и совершенно обрусел. Искренне полюбив новую родину, он посвятил ей несколько книг и множество журнальных статей. Это был человек уникального кругозора и обширных интересов, включавших не только медицину, но и археологию, историю, этнографию, музыку и мн. др. Среди прочего, Гатри принадлежит одно из первых описаний Северного Причерноморья, которое можно было бы назвать энциклопедическим, к тому же ставшее путеводителем и справочником по истории и археологии Причерноморья и Крыма для целого поколения российских и иностранных подданных. Имя Гатри, собирателя и исследователя древностей юга России, плохо известно современным историкам российской науки. В этой статье мы попытаемся показать его заслуги в изучении истории и древностей Крымского полуострова в эпоху становления российского антиковедения и византиноведения.

Излишне будет говорить, что первое присоединение Крыма к России в 1783 г. вызвало колоссальный интерес к полуострову. За последующие двадцать-тридцать лет были опубликованы десятки книг, написанные российскими, британскими, французскими, немецкими, польскими и итальянскими авторами, представляющими собой как «кабинетные» реконструкции истории Крыма, так и практические описания, выполненные путешественниками, которые, по обычаю своей эпохи, старались не ограничиваться повествованием о собственных приключениях и переживаниях, но рассказывали о прошлом далекой страны, воплотившемся, в частности, в бесчисленных памятниках археологии. Сочинения эти, конечно же, весьма различны и по жанру, и по интеллектуальному

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-01-00104 «Крымские древности в описаниях европейских путешественников конца XVIII — начала XIX в.: историко-археологическое исследование». Важные материалы для написания этой статьи были получены одним из авторов во время работы в библиотеке Центра по изучению истории и цивилизации Византии Коллеж де Франс (г. Париж). Мы очень признательны сотрудникам Центра К. Б. Цукерману и В. Г. Ченцовой за самую разнообразную помощь во время этой работы. Отдельные слова благодарности приносим Т. В. Куц (г. Екатеринбург), без дружеской помощи которой эта статья вряд ли была бы написана.

уровню, и по интересам авторов. Не избежал увлечения Крымом и шотландский врач Маттью Гатри, оказавшийся здесь почти сразу же после поступления на русскую службу.

Он родился в 1743 г. в Эдинбурге, в семье профессионального писателя, происходившего из известного шотландского рода — сведения об их предках встречаются в анналах британской истории с начала XVI в. О его ранней жизни известно мало. Гатри учился на врача в Эдинбургском университете, а во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. принял решение перебраться в Россию, еще не закончив образования. Степень доктора медицины он получил через несколько лет в родной Шотландии, или в Эдинбургском, или в Сент-Эндрюсском университете. Во время войны с турками Гатри оказался в Крыму. Поездка в Причерноморье, изобиловавшее памятниками античности, вероятно, стимулировала интерес молодого врача к археологии и коллекционированию. После окончания войны Гатри оказался в Петербурге, где с 1778 г. до самой смерти занимал пост главного врача Кадетских корпусов. В 1797 г. Павел I даровал Гатри чин статского советника, дававший права потомственного дворянства, и дополнительное ежегодное содержание в 500 рублей [биографию Гатри см. в: Sweet, p. 245–250; Parmehl, p. 168–170; Cross, p. 147–152].

Служба оставляла достаточно времени для светской жизни, коллекционирования и научных занятий. Знаменитый английский путешественник Уильям Кокс оставил описание опытов Гатри по замораживанию ртути [Coxe, p. 180–195], а француз Альфонс Форсия де Пилес рассказал о собранной шотландцем коллекции сибирских минералов [Voyage, p. 49–50]. Истинный человек эпохи Просвещения, Гатри обладал разносторонними интересами, энциклопедическими познаниями и невероятной энергией. Помимо профессиональных занятий медициной, он изучал ботанику и геммологию, естественную историю и археологию, музыку и фольклористику, историю и этнографию. Опубликованные книги и статьи принесли ему известность в научных кругах и позволили стать членом нескольких российских и британских ученых обществ. Когда в 1790 г. в Эдинбурге начал выходить популярный журнал «The Bee», Гатри стал его корреспондентом, снабжая редакцию статьями на самые разные темы из русской жизни. Статьи он подписывал псевдонимом «Arcticus», очевидно, намекая на беспокоивший его современников вопрос, к какой же части света следует относить Россию — к Северу или Востоку Европы [Нойманн, с. 111–124; Вульф, с. 241–245].

В 1781 г. доктор Гатри женился на овдовевшей француженке Мари Дюнан (урожденной Ромо-Сюрвесн), служившей в Смольном институте благородных девиц. У пары родились две дочери, впоследствии вышедшие замуж за иностранцев и покинувшие Россию. Дом семейства Гатри гостеприимно открывал свои двери для приезжавших в Петербург европейцев, а его хозяева всегда были готовы предоставить оказавшимся на чужбине моральную и материальную поддержку [см.: Миранда, с. 260–301]. Уроженец Венесуэлы Франсиско де Миранда, не раз бывший у них в гостях, назвал мадам Гатри «лучшей в мире женщиной» [Там же, с. 310]. Но семейное счастье не спасло мадам Гатри от болезни (вероятно,

туберкулеза). Дважды, покинув мужа, она отправлялась для поправки здоровья на юг России — сначала в Крым, а затем в Таганрог. Но это лишь отсрочило печальный конец — мадам Гатри скончалась 31 марта 1800 г. [Sweet, p. 249, n. 16a].

В 1802 г. Маттью Гатри публикует посвященное памяти супруги «Путешествие, предпринятое в 1795-6 годах, по Тавриде, или Крыму, древнему Боспорскому царству, некогда могущественной республике Таврический Херсон и всем остальным странам на северном берегу Эвксина, уступленных России по Кайнарджийскому и Ясскому миру» [Guthrie, 1802]. Доктор Гатри назвал себя «редактором» книги, основу которой составили письма его покойной супруги, переведенные с французского на английский, отредактированные и снабженные обильными иллюстрациями, комментариями и приложениями. Книга, посвященная Александру I, состоит из редакторского введения, 93 писем Марии Гатри, а также подписанных ее мужем семи дополнительных писем (таким образом, всего в книге писем 100) и семи приложений, рассказывающих о различных археологических находках, сделанных в Причерноморье.

Текст всего сочинения не оставляет сомнений в том, что его истинным автором был сам доктор Гатри [Parmehl, p. 174; Татаринцева, с. 595; Храпунов, 2011б, с. 604–605; ср. Cross, p. 149], очевидно, решивший таким образом почтить память любимой жены. Бросается в глаза, что в тексте почти совершенно отсутствуют бытовые детали, которые являются необходимой частью путевых записок, например, рассказы о трудностях путешествия, гостиницах, найме лошадей, дорогах, проводниках, сложностях перевода, разного рода приключениях и пр. Хотя книга стилизована под эпистолярный жанр, в письмах нет ни слова о болезнях автора, традиционных вопросов о положении дел дома, приветов знакомым и пр. Язык приглажен и отредактирован, тем самым мало напоминая письма, сочиненные в краткие моменты отдыха в дороге. В книге Гатри есть, безусловно, переживания автора, но они относятся к историческим обстоятельствам, а не к вещам, ощущаемым им «телесно» непосредственно в путешествии. Разделение самой книги Гатри на письма совершенно условное, потому повествование может неожиданно обрываться, например, посреди рассказа об истории древнего города — Херсонеса, Феодосии или Пантикапея. Хотя в книге иногда встречаются ссылки на якобы виденное собственными глазами, эти фрагменты слишком литературны и вполне могли быть сочинены вне Крыма. Сказанное станет очевидным, если сравнить «Путешествие» Гатри с сочинениями его современников — британцев, в которых использованы подлинные письма, написанные в Крыму [Craven; Heber; Otter]. Итак, анализируемая книга представляет собой своего рода «эпистолярный роман», сочиненный в петербургском кабинете Маттью Гатри по материалам опубликованных источников, описаний Крыма и путевых записок, быть может, с использованием некоторых, тщательно переработанных писем покойной Марии. Но почему он выбрал именно такой жанр?

Думается, ответ заключается в том, что литература путешествий (травелоги) в Новое время стала играть совершенно особую роль, став феноменом не только литературы, но и науки и общественной жизни. В эту эпоху труды путешественников стали основным источником, откуда образованные жители

Западной Европы черпали сведения о дальних странах. Новое время выработало принципиально иное отношение к путешествию. Теперь оно понималось не как развлечение, а как обучение и самосовершенствование, требовавшее известных интеллектуальных усилий. Так возникает, в частности, феномен образовательных путешествий. Хорошим тоном для любого путешественника стали подготовка и издание воспоминаний, в которых он нередко обращался не только к собственным наблюдениям, но и к сочинениям древних авторов и современных ученых, тем самым подводя под свои эмпирические наблюдения теоретическую базу. В эпоху, когда наука практически не знала специализации, а исследователи были энциклопедистами, важнейшим способом научного познания были «ученые путешествия», призванные нанести на карту, описать и объяснить окраины ойкумены, дав всестороннее научное описание их географии, экономики, этнографии и истории.

В эпоху Просвещения становится популярным жанр «вымышленных путешествий», открытый «Персидскими письмами» Монтескье. Иногда он использовался для того, чтобы взглянуть на собственное общество и культуру [Вульф, с. 156–164], иногда — чтобы познакомить европейского читателя с почти не известным ему миром. Достаточно вспомнить, что вторая часть «Приключений Робинзона Крузо» описывает, в частности, путешествие героя через Сибирь и Европейскую Россию [Defoe, p. 325–372]. Гатри читал знаменитое «Путешествие юного Анахарсиса» Жан-Жака Бартеlemi, в котором жизнь классической Греции показана глазами вымышленного героя, прибывшего из Скифии [Бартеlemi]. Вводя фигуру рассказчика, оказавшегося в неведомой стране, автор мог, с одной стороны, оживить повествование, а с другой — завладеть доверием читателя. Хотя героиня Гатри вроде бы перемещается в пространстве, на самом деле встречающиеся на ее пути географические пункты — лишь повод обратиться к истории того или иного города или региона. Так, например, пять писем «из Керчи» почти ничего не говорят о состоянии города в конце XVIII в., и даже описание церкви Иоанна Предтечи, очевидно, взято из сочинения Палласа [Guthrie, 1802, p. 172; ср.: Паллас, с. 121, 123]. Зато в них подробно рассказывается об античной географии и истории Керченского полуострова, о правлении Митридата Евпатора и его войнах с римлянами, и о жизни Боспора в византийское время [Guthrie, 1802, p. 158–174].

Приписав авторство книги своей супруге, Гатри удалось сбить с толку современников. Хотя ссылки на эту работу легко отыскиваются в большинстве записок путешественников начала XIX в., никто из них, кажется, не догадывался об истинном авторстве текста. Так, например, Бальтазар фон Кампенгаузен увидел в книге излишний романтизм, свойственный женской натуре, но искажающий картину вещей [Campenhausen, S. 100]. В результате, не всегда делая отсылку к сочинению Гатри, фон Кампенгаузен иной раз повторяет описания из этой книги, порой дискутирует с ними, а иногда приводит дополнительные уточняющие сведения [Ibid., S. 108–111; ср.: Guthrie, 1802, p. 83, 91–92, 116–118, 202–203; см. также: Храпунов, 2013]. Но обманываться продолжают и многие наши современники, подчас усматривающие в «Путешествии» Гатри особый

«женский взгляд» на Крым [Деремедведь, 2004, с. 142 и сл.; 2005, с. 102–105; ср.: 2008, с. 20–21] или же попросту не задумывающиеся о проблеме авторства [Герардини, с. 116; Каушлиев, с. 104–106; Тункина, 2002, с. 50, 52, 379, 427–428, 473, 476, 502, 504, 534; 2011, с. 34].

Хотя формально книга посвящена путешествию, главный интерес Гатри питает не к современности, а к истории Причерноморья. Потому во Введении говорится, что он рассчитывает на успех книги, рассказывающей «о странах, веками скрытых от образованных путешественников варварской политикой невежественных турок, но некогда прекрасно известных древним, так что их можно назвать классической землей...» [Guthrie, 1802, p. vi]. В эпоху Просвещения античность постепенно входила в моду в Западной Европе, причем Грецию начинают воспринимать как колыбель европейской цивилизации [Eisner, p. 63–88]. С огромным уважением относился к античности и Гатри. Эта концентрация на прошлом облегчала ему труд над вымышленным путешествием: можно было сокращать описания современных крымских городов, описания заведомо неточные и потому могущие подставить Гатри под упреки побывавших там читателей, ведь куда важнее понять, что происходило на полуострове за много столетий до того.

Говоря о современности, Гатри не чуждался штампов: так, описывая плодородную Байдарскую долину на юго-западе Крыма, он называет ее райским уголком с неизбежными античными параллелями с Аркадией и Темпейской долиной [Guthrie, 1802, p. 116–118]. Современники — фон Кампенгаузен и Иван Муравьев-Апостол — иронизировали над этими словами, представлявшими собой расхожее клише и потому мало что говорящими об истинном облике данной местности [Campehausen, S. 109; Муравьев-Апостол, с. 174–175; см. также об этом сюжете: Шенле, с. 143–144; Храпунов, 2013, с. 460–461]. Но Маттью Гатри не мог поступить иначе, ведь если он и видел Байдарскую долину, то лет за тридцать до того, и потому вряд ли что-то конкретное помнил. Вероятно, он ориентировался на труды предшественников, в частности, восхвалявшую долину Крейвен или упоминавшего восторженные отзывы других авторов Палласа [Craven, p. 190–191; Паллас, с. 69].

И. В. Тункина заметила, что автор книги Гатри не смог локализовать ни одного древнего поселения в Восточном Крыму и на Тамани, а местоположение древних Керкинитиды и Евпаториона в западной части полуострова взяты из сочинения французского путешественника и исследователя Клода-Шарля де Пейссоннеля [Тункина, 2002, с. 379, 473, 476]. Справедливо и другое наблюдение исследователя: информация о древних надписях, описываемых Маттью Гатри в дополнительных письмах, взята из двух статей Фридриха-Августа фон Биберштейна, который в Крыму как раз бывал и камни эти видел собственными глазами [Тункина, 2002, с. 50, 52; 2010, с. 596; ср.: Guthrie, 1802, p. 311–327]. Показательно, что никаких других надписей в книге Гатри не упоминается. Но трудно было бы ожидать иного, учитывая «кабинетный» характер составления книги. Интерес «Путешествия» Гатри не в описаниях исчезнувших или поврежденных археологических памятников, но в том, что эта книга представляет

собой характерный набор познавательных практик и разного рода ментальных «штампов» своего времени, позволяющих реконструировать особенности восприятия прошлого в эпоху, когда история, археология и этнография только становились науками в современном смысле, а изучение Крыма находилось на начальном этапе.

Стиль сочинений Гатри — местами слишком многословный и тяжеловесный, местами легкий и увлекательный, хаотичный и страдающий повторами. Книга читается не как единое произведение, а как набор очерков. Это вызвано, прежде всего, особенностями жанра — раз уж речь идет о путешествии, то история вынужденно фрагментируется, причем отдельные эпизоды «привязываются» к прибытию героини в то или иное место. Но разные крымские города иногда тесно связаны между собой, и потому сложно говорить о Херсонесе, избегая Боспора, и наоборот. Так, например, сведения о боспорских древностях оказываются в самых разных местах. Впервые об истории Боспорского царства в первых веках нашей эры героиня книги рассказывает, находясь далеко за его пределами — в юго-западном Крыму, близ развалин Херсонеса, с которым, по свидетельству Константина Багрянородного, боспорские цари некогда вели неудачные войны. Затем автор надолго «забывает» о Боспоре, обратившись к нему лишь тогда, когда его героиня оказывается в одном из городов восточного Крыма — в Феодосии. Здесь оказывается фрагмент о более ранней истории государства, повествующий о начальной истории царства в V–IV вв. и о присоединении к нему Феодосии. Связная же история Боспора от античности до Средневековья и рассказ о соответствующих памятниках приводится в рассказе о посещении Керчи и Тамани, причем здесь из нее «выпадает» описанная выше позднеантичная часть. В дальнейшем же автор вновь говорит о Боспоре — в особом очерке истории греческих колоний в Северном Причерноморье, в размышлениях о причерноморской торговле, рассматривая памятники эпиграфики и скульптуры, открытые фон Биберштейном [Guthrie, 1802, p. 100–103, 139–141, 158–192, 282–289, 311–327]. Опубликовав в приложениях монеты правителей Боспора, Гатри одним из первых оценил информационный потенциал нумизматических памятников и на их основе постарался выстроить оригинальную хронологию боспорских царей — на современный взгляд во многом фантастическую [Ibid., p. 350–401]. В XVIII в. первые боспорские монеты были изданы в составе каталогов античной нумизматики, выпущенных европейскими исследователями и коллекционерами [см.: Callataÿ, с. 226–227]. Гатри же дополнил эти публикации материалами собственного собрания. Но нумизматикой список его источников, конечно же, не ограничивался.

В тексте встречается множество имен древних авторов и современных ему историков, по которым можно реконструировать весьма разнообразный круг источников и литературы, переработанный шотландцем. Известия античных (Скилак, Геродот, Страбон, Птолемей, Плиний, Плутарх, Помпоний Мела) и византийских (Константин Багрянородный, Георгий Кедрин) авторов он мог изучать или в подлиннике, или, когда речь шла о греках и византийцах, в латинском переводе. Их дополняют ссылки на уже упоминавшееся сочинение

Бартелими и «Историю упадка и разрушения Римской империи» Э. Гиббона, исследования и нумизматические каталоги К.-Г. де Бозе, Ф. Кари и Ж. Пеллерена, а также собственное собрание монет. Сведения о средневековых кочевниках он черпал из труда Ж. де Гиня, по истории России — у В. Н. Татищева и П.-Ш. Левека, а ее древней и современной географии — у Ж.-Б. д'Анвиля. Гатри хорошо знал и работы своих современников — путешественников и исследователей К.-Ш. де Пейссоннеля, Н.-Э. Клемана, П.-С. Палласа, М. фон Биберштейна, Е. Е. Келера, внимательно изучал журналы, издаваемые российской Академией наук и ее британским аналогом — Королевским обществом. Изучавший сочинения Гатри по русской этнографии М. К. Азадовский отметил, что его творческий метод объединял широкий кругозор с компилятивностью, причем оригинальные сведения появляются в тех немногих местах, где Гатри пользовался собственными наблюдениями или устной информацией, полученной от знакомых [Азадовский, с. 108–109; ср.: Parmehl, p. 177]. По-видимому, точно также он действовал и при написании «Путешествия». Оригинальные суждения, которых в тексте не так уж и мало, встречаются, например, там, где Гатри размышляет о местоположении древних городов и о хронологии античных царей, о монетах, в том числе из собственного собрания, и об интерпретации уже упоминавшихся надписей и скульптур.

Судя по всему, на мировоззрение Гатри большое влияние оказали сочинения Адама Смита и Шарля-Луи де Монтескье. Гатри не скрывал восхищения своим соотечественником — экономистом, тогда как имя французского философа лишь раз встречается в его произведении [Guthrie, 1802, p. 175, 338, 380]. Но, видимо, от Монтескье он воспринял представление, впоследствии названное «географическим детерминизмом», согласно которому развитие культуры и общества определяется природной средой. Деятелям XVIII в. география представлялась ключом, позволявшим упорядочить пространство и время, создать иерархию народов, нанести их на карту и определить их «цивилизованность» [Вульф, с. 226–289]. Гатри одним из первых оценил влияние климата и природных условий на историю Крыма, которая представлялась ему как непрекращающееся противостояние степи и моря, варварства и цивилизации. По его словам, природа разделила Крымский полуостров на две очень непохожие части: «горную страну на юге, отраду и убежище цивилизованных торговых наций на протяжении более двух тысячелетий, которые наполняли [крымские] порты судами и товарами, пока варварские турки не перекрыли Фракийский Боспор и не обратили оживленный Эвксин в водную пустыню», и северную степь, которой владели «пастушеские орды, которые, кажется, занимались лишь тем, что [поочередно] изгоняли друг друга с травянистых равнин полуострова» [Guthrie, 1802, p. 52–55]. Кажется, Гатри не допускал и мысли о том, что степняки могли самостоятельно преодолеть влияние природной среды, и потому вечно пребывали «в варварстве».

Историю Гатри воспринимал как непрерывность. Народы не исчезают бесследно из истории, а как бы «перетекают» один в другой, потому скифы и татары — «всего лишь разные имена одного народа» [Ibid., p. 406]. Важнейшей

чертой народа в представлениях XVIII в. было его название, тогда как этногенез казался чем-то вроде «метисации» разных народов [Вишленкова, с. 59, 61]. Так, Гатри полагал, что своим именем Крым обязан названию древних киммерийцев. Основанный ими город Киммерий был в византийское время известен как Кареополь, а позднее татары превратили его в Эски-Крым (нынешний город Старый Крым). Киммерийцы — это же самое, что и кимвры, кельты и галлы [Guthrie, 1802, p. 52, 178, 192–195].

Подобным образом Гатри решает и вопрос о происхождении караимов, крымских неталмудических иудаистов, говоривших на тюркском языке и живших в городе Чуфут-Кале на безлесной и безводной вершине горы. Этноним, в народной этимологии переводившийся как «черные евреи», натолкнул Гатри на следующее размышление. Если название караимов, по-видимому, связано с черным цветом их одежд, стоит поискать в источниках народ, обитавший где-то поблизости и имевший подобный наряд. Этим народом оказываются меланхлены, «черные плащи» античных историков [Ibid., p. 84].

Аналогичным образом Гатри поступает, пытаясь выявить местоположение древних городов. Для автора древние тексты всегда объективны и достоверны, вопрос лишь в том, как их правильно истолковать. История непрерывна, потому древние города не исчезают, а продолжают жить, пусть и под другим названием. Задача, следовательно, в том, чтобы свести разрозненные сведения источников в единую систему. И здесь созвучие названий оказывается не последним аргументом. Потому Бахчисарай оказывается древним Палакием, информация о котором встречается у Страбона, Карасубазар (ныне Белогорск) — «Портакрой» Клавдия Птолемея, а Чуфут-Кале — Фуллами средневековых авторов [Ibid., p. 72, 83, 196]. А раз города неизменно существуют на одном месте с глубокой древности, предпринятое российскими властями «возвращение» греческих названий на географическую карту не только справедливо, но и необходимо [Ibid., p. 62–63, 305].

Неизменна также и степь и ее жители, оставшиеся такими же, как во времена Геродота. Потому русская баня происходит от бани скифской, и от скифской же бани ведут свое происхождение бани турок и татар [Ibid., p. 199, 292]. Скифам татары обязаны искусству выделки ковров (ведь скифы — их предки), но зато черепичные крыши своих домов они переняли у древних греков [Ibid., p. 64–65, 68, 73]. Древние мифы для Гатри реальны, потому он принимает за чистую монету рассказанную Геродотом историю о детях, рожденных неверными женами ушедших в многолетний поход скифов, которые осмелились сражаться с возвращавшимися хозяевами и были побеждены не силой меча, но звуком плети [Ibid., p. 296].

Русофил Гатри оказался очень восприимчив к идеям екатерининского царствования. По-видимому, в результате искренней увлеченности личностью российской императрицы, Гатри занялся переводом ее пьесы «Начальное управление Олега» на английский язык [Cronin, p. 318]. Пьеса эта раскрывала ее видение идеального монарха, просвещенного государя, стремившегося к благу для своих подданных, мудрого законодателя и «возделывателя» земель, превращающего свои владения в райский сад [Уортман, с. 189–190]. Но помимо древнерусских

мотивов Екатерина II и ее окружение широко использовали античную культуру для создания имперской идеологии. Так, объявляя русских потомками греков, Екатерина получала доказательства древности российского государства, а завоевание Крыма представляла не как захват чужого, но как возвращение прародины, истока русской веры и «европейскости». Античность же предоставляла материал для создания целого ряда аллегорических титулов императрицы [см.: Зорин, с. 33–64, 97–122; Проскурина, с. 11–104]. Российские идеологи пытались с помощью античных сюжетов превратить русских в «наследников» греков и тем самым ввести их в круг «европейских» наций. Каждая цивилизованная страна должна была обладать какой-то частью античного наследия — кто, как Италия, по праву местонахождения, кто, как Германия, по принципу «*translatio imperii*», а кто-то, как Британия, играя роль исследователя и коллекционера антиквариата. Хотя сочинения Гатри обычно не используются исследователями российской политической идеологии, нужно сказать, что они могут служить примером творческого использования перечисленных идей. Так, в опубликованной прежде книге по русской этнографии Гатри обнаружил сходство между обычаями русских и древних греков [Guthrie, 1795]. Об этом сходстве он писал и в корреспонденции для журнала «The Bee», и в рукописях, пока остающихся неопубликованными [Parmehl, p. 173; Gassner, p. 41–42]. В «Путешествии» же он попытался объяснить его тем, что греки-гипербореи основали колонии в верхнем течении Днепра. Именно там русские и переняли греческие обычаи [Guthrie, 1802, p. 335]. Это позволило Гатри разрешить мучивший его современников вопрос, следует ли относить Россию к числу цивилизованных наций [Нойманн, с. 111–125], дав на него положительный ответ.

Русофилия Гатри удивительна на фоне общественных настроений в Европе его эпохи. Хотя «русские» в XVIII в. уже были изучены европейцами и перешли мало-помалу из категории варваров в категорию «молодых народов», которые могли стать, но пока еще не были цивилизованными европейцами [Нойманн, с. 111–125; Вульф], они для европейцев все равно оставались «иными». Показателен пример одного из самых знаменитых русофобов — британца Эдварда-Даньела Кларка, путешествовавшего по России в 1799–1800 гг. Русские для него — воплощение всех мыслимых отрицательных качеств: жестокости, невежества, хитрости, бесчувственности, низости, грубости, разумеется, пьянства. Иначе говоря, они являются варварами [см.: Clarke]. Портрет русских у Кларка оказался настолько отвратительным, что удивил даже его друга Реджинальда Хебера, оказавшегося в России через несколько лет. С изумлением тот писал, что русские пьют меньше, чем англичане, и, хотя некоторые из них действительно склонны к вымогательству, другим свойственна удивительная честность, сопряженная иногда с большими неудобствами [Heber, p. 232, 233, 245]. Еще один британский путешественник, Джеймс-Эдвард Александер, был вынужден посвятить часть своих записок разоблачению обманов Кларка [см.: Храпунов, 2011а, с. 399–400, 403–404; 2011б, с. 607–608].

Гатри, несомненно, согласился бы с мыслью Монтескье о том, что торговля представляет собой сущность, или хребет истории [Монтескье, с. 297], потому

его история Причерноморья заканчивается после османского завоевания, когда Мехмед Завоеватель прекратил торговлю через Проливы, но вновь возобновляется через триста лет, когда Проливы вновь открылись благодаря усилиям России [Guthrie, 1802, p. 266–267]. И потому написанная Гатри история является лучшим оправданием российской экспансии на юг. Хотя книга Гатри — сочинение, прежде всего, антиосманское и антимусульманское, двигало автором не религиозное чувство, а приверженность идеям просвещения и справедливости. Для секуляризирующегося европейского мышления XVIII в. характерно было понимание Османской империи как полной противоположности цивилизации Просвещения. Этот Другой был нужен Европе для осознания собственной общности и акцентуации собственных ценностей [Нойманн, с. 83–89].

Известный шарм сочинению Гатри придают некоторые забавные заблуждения, впрочем, свойственные сочинениям его эпохи. Так, например, он полагает, что известный эпизод с походом киевского князя Владимира на Крым и его крещением связан не с Херсонесом, а с Феодосией [Guthrie, 1802, p. 104, 142–143]. В конце XVIII — начале XIX в. плохо себе представляли, где именно находился город Корсунь, в котором крестился Владимир. Некоторые помещали его в юго-западном Крыму, т. е. на развалинах исторического Херсонеса [Тунманн, с. 30; Сестренцевич-Богуш, с. 25, 338–343], другие — севернее, близ нынешней Евпатории [Reyssonnel, p. 87–89], третьи — на востоке, в Феодосии [Ломоносов, с. 115–118; Щербатов, с. 259–263], четвертые — вообще за пределами Крыма, в Днепро-Бугском лимане [Татищев, с. 135, 413, прим. 133]. Судя по всему, Гатри доверился авторитету французского историка Пьера-Шарля Левека, своего знакомого по кадетскому корпусу, где тот несколько лет служил профессором [ср.: Левек, с. 126–128].

Другой распространенный сюжет — история о кольцах, укрепленных на большой высоте в крымских скалах, якобы свидетельствующих о том, что в древности уровень Черного моря был много выше, а Крым представлял собой группу островков, ныне ставших горными вершинами [Tott, p. 103; Ромм, с. 55, 70; Sampenhause, S. 109; Craven, p. 181–182]. Гатри в этой связи припомнил слова античного историка Диодора о том, что Черное море в далеком прошлом было замкнутым водоемом, пока его воды не прорвалась в Средиземноморье, затопив прибрежные страны [Guthrie, 1802, p. 92–93]. По-видимому, сказался авторитет знаменитого французского естествоиспытателя Жоржа-Луи де Бюффона, увидевшего в рассказе Диодора рациональное зерно [ср.: Людольф, с. 200–201]. В реальности сведений о чем-то подобном в исторические времена не имеется, а кольца в крымских скалах имели более прозаическое назначение — они использовались, например, для привязывания животных или фиксации колыбели [Эрнст, с. 35–36].

Хотя труд Гатри был не первым сочинением по истории Причерноморья и Крыма [ср.: Нарушевич; Formaleoni], в нем, пожалуй, впервые были использованы некоторые методы из инструментария современной науки. Автор осознал значение нумизматических источников для исторических реконструкций, в частности, касающихся Боспора и Херсонеса. К тому же он соединил историю

с топографией, привязав сообщения источников о событиях прошлого к конкретным археологическим памятникам. Не имея возможности лично осмотреть эти памятники, он доверился рассказам очевидцев и, прежде всего, Палласу. Быть может, именно эта особенность объясняет большую популярность «Путешествия» Гатри у современников. Конечно, многие его выводы и теоретические построения сегодня кажутся наивными и даже анекдотическими, но несмотря на них — а может быть, и благодаря им — «Путешествие» Гатри прекрасно отражает начальный этап изучения истории и археологии Северного Причерноморья и Крыма, характеризует взгляды и методику исследователей эпохи Просвещения и, наконец, является образцом необычного жанра «вымышленного путешествия».

Хотя Гатри был автором множества печатных трудов, без сомнения, самым известным из них стало именно «Путешествие», волею «редактора» приписанное его супруге. Эту книгу высоко оценили современники. По словам самого Гатри, император Александр I наградил его перстнем с бриллиантами [Пармел, р. 173]. Книга пользовалась популярностью и в Западной Европе, и в России, для многих став ценным источником сведений о Причерноморье, а для путешественников — еще и путеводителем. Но до сих пор в литературе автором ее, как правило, называют Марию, а не ее супруга. Мистификация удалась.

Доктор Маттью Гатри скончался 7 августа 1807 г. и был похоронен рядом с супругой на Смоленском кладбище Петербурга. В конце жизни он работал над новым изданием «Путешествия», планируя прибавить к нему второй том, включавший разнообразные текстовые и изобразительные материалы. Публикации книг помешала размолвка с лондонским издателем, задержавшим средства, полагавшиеся автору за первую версию «Путешествия». Не была издана и сочиненная Гатри «Естественная история Тавриды» [Sweet, р. 249, 294; Parmel, р. 174]. Удивительное совпадение, но так и осталась в рукописи посвященная Гатри монография, подготовленная в 70х гг. XX в. К.-А. Папмелем [Cronin, р. 15]. Думается, что и личность Маттью Гатри, и его труды заслуживают большего внимания со стороны историков науки и общественной мысли.

Азадовский М. К. История русской фольклористики. М., 1958. [Azadovskij M. K. Istorija russkoj fol'kloristiki. M., 1958.]

Бартелими Ж. Ж. Путешествие младшего Анахарсиса по Греции, в половине четвертого века до Рождества Христова : в 9 т. М., 1803–1819. [Bartelemi Zh. Zh. Puteshestvie mladshogo Anaharsisa po Grecii, v polovine chetvertogo veka do Rozhdestva Hristova : v 9 t. M., 1803–1819.]

Вишленкова Е. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М., 2011. [Vishlenkova E. Vizual'noe narodovedenie imperii, ili «Uvidet' russkogo дано не kazhdomu». M., 2011.]

Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. [Vul'f L. Izobretaja Vostochnuju Evropu: karta civilizacii v soznanii jepohi Prosveshhenija. M., 2003.]

Герardini О. Н. Описание Судака в записках Гутри М. (перевод писем) // Материалы II научной конференции «Актуальные вопросы истории, культуры, этнографии и экологии Юго-Восточного Крыма». М., 2009. С. 116–120. [Gerardini O. N. Opisanie Sudaka v zapiskah Gutri M.

(perevod pisem) // Materialy II nauchnoj konferencii «Aktual'nye voprosy istorii, kul'tury, jetnografii i jekologii Jugo-Vostochnogo Kryma». M., 2009. S. 116–120.]

Деремедведь Е. Н. Рецепция образа Крыма в путевых заметках английских путешественников конца XVIII — начала XX века // Вопр. литературы. 2004. № 10 (67). С. 142–151. [Deremedved' E. N. Resercija obraza Kryma v putevyh zametkah anglijskih puteshestvennic konca XVIII — nachala XX veka // Vopr. literatury. 2004. № 10 (67). S. 142–151.]

Деремедведь Е. Н. «Крымские» травелогии англичанок конца XVIII — первой четверти XIX вв. в контексте жанра путешествия // Культура народов Причерноморья. 2005. № 61. С. 101–106. [Deremedved' E. N. «Krymskie» travelogi anglichanok konca XVIII — pervoj chetverti XIX vv. v kontekste zhanra puteshestvija // Kul'tura narodov Prichernomor'ja. 2005. № 61. S. 101–106.]

Деремедведь Е. Н. Крымская ривьера. Авантюрные приключения англичанок в Тавриде. Симферополь, 2008. [Deremedved' E. N. Krymskaja riv'era. Avantjurnye prikljuchenija anglichanok v Tavride. Simferopol', 2008.]

Зорин А. [Л.] Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2004. [Zorin A. [L.] Kormja dvuglavogo orla... Russkaja literatura i gosudarstvennaja ideologija v poslednej treti XVIII — pervoj treti XIX veka. M., 2004.]

Каушлиев Г. С. Вклад английских путешественников в историко-культурное освоение Крыма (конец XVIII — начало XIX века) // Уч. зап. Таврич. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер. «Исторические науки». 2010. Т. 23 (62). № 1. С. 100–113. [Kaushliev G. S. Vklad anglijskih puteshestvennikov v istoriko-kul'turnoe osvoenie Kryma (konec XVIII — nachalo XIX veka) // Uch. zap. Tavrich. nac. un-ta im. V. I. Vernadskogo. Ser. «Istoricheskie nauki». 2010. T. 23 (62). № 1. S. 100–113.]

Левек [П.-Ш.]. Российская история. М., 1787. [Levek [P.-Sh.]. Rossijskaja istorija. M., 1787.]

Ломоносов М. Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года. СПб., 1766. [Lomonosov M. Drevnjaja Rossijskaja istorija ot nachala Rossijskogo naroda do konchiny velikogo knjazja Jaroslava Pervogo ili do 1054 goda. SPb., 1766.]

Людольф де. Письма о Крыме // Русское обозрение. 1892. Т. 2 (март). С. 155–201. [Ljudol'f de. Pis'ma o Kryme // Russkoe obozrenie. 1892. T. 2 (mart). S. 155–201.]

Миранда Ф. де. Путешествие по Российской империи. М., 2001. [Miranda F. de. Puteshestvie po Rossijskoj imperii. M., 2001.]

Монтескье Ш. Л. О духе законов. М., 1999. [Montesk'e Sh. L. O duhe zakonov. M., 1999.]

[Муравьев-Апостол И. М.] Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб., 1823. [[Murav'ev-Apostol I. M.] Puteshestvie po Tavride v 1820 godu. SPb., 1823.]

Нарушевич А. Таврикия, или Известия древнейшие и новейшие о состоянии Крыма и его жителях до наших времен. Киев, 1788. [Narushevich A. Tavrikija, ili Izvestija drevnejshie i novejšie o sostojanii Kryma i ego zhiteljah do nashih времен. Kiev, 1788.]

Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004. [Nojmann I. Ispol'zovanie «Drugogo»: obrazy Vostoka v formirovanii evropejskih identichnostej. M., 2004.]

Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Российского государства в 1793–1794 годах. М., 1999. [Pallas P. S. Nabljudenija, sdelannye vo vremja puteshestvija po juzhnym namestnichestvam Rossijskogo gosudarstva v 1793–1794 godah. M., 1999.]

Проскурина В. Мифы империи: литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006. [Proskurina V. Mify imperii: literatura i vlast' v jepohu Ekateriny II. M., 2006.]

Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 г. Л., 1941. [Romm Zh. Puteshestvie v Krym v 1786 g. L., 1941.]

Сестренцевич-Богуш С. История царства Херсонеса Таврийского. Т. 1. СПб., 1806. [Sestrencevich-Bogush S. Istorija carstva Hersonesa Tavrijskogo. T. 1. SPb., 1806.]

Татаринцева Р. И. Из истории британско-русских литературных связей конца XVIII столетия: путевые записки Марии Гутри // Материалы по археологии, истории и этнографии Таври.

2003. Вып. 10. С. 590–598. [Tatarinceva R. I. Iz istorii britansko-russkikh literaturnykh svyazej konca XVIII stoletija: putevye zapiski Marii Gutri // Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavri. 2003. Вып. 10. С. 590–598.]

Татищев В. Н. Собр. соч. Т. 4: История российская. Ч. вторая. М., 1995. [Tatishhev V. N. Sobr. soch. T. 4 : Istorija rossijskaja. Ch. vtoraja. M., 1995.]

Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб., 2002. [Tunkina I. V. Russkaja nauka o klassicheskikh drevnostjakh juga Rossii (XVIII — sredina XIX v.). SPb., 2002.]

Тункина И. В. Археолого-эпиграфические исследования Ф. К. Маршала фон Биберштейна в Восточном Крыму и на Кавказе в конце XVIII в. по неизданным архивным документам // Человек и древности. Памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М., 2010. С. 588–610. [Tunkina I. V. Arheologo-jepigraficheskie issledovanija F. K. Marshala fon Bibershtejna v Vostochnom Krymu i na Kavkaze v konce XVIII v. po neizdannym arhivnym dokumentam // Chelovek i drevnosti. Pamjati Aleksandra Aleksandrovicha Formozova (1928–2009). M., 2010. S. 588–610.]

Тункина И. В. Открытие Феодосии. Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей, 1771–1871. Киев, 2011. [Tunkina I. V. Otkrytie Feodosii. Stranicy arheologicheskogo izucheniija Jugo-Vostochnogo Kryma i nachal'nye jetyapy istorii Feodosijskogo muzeja drevnostej, 1771–1871. Kiev, 2011.]

Тунмани [И.-Э.]. Крымское ханство. Симферополь, 1991. [Tunmann [I.-Je.]. Krymskoe hanstvo. Simferopol', 1991.]

Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. М., 2002. [Uortman R. S. Scenarii vlasti. Mify i seremonii russkoj monarhii. T. 1. M., 2002.]

Храпунов Н. И. Другая николаевская Россия, или Poleмика travelогов. Рец. на кн.: Александер Дж. Россия глазами иностранца // Ab Imperio. 2011a. № 2. С. 397–405. [Hrapunov N. I. Drugaja nikolaevskaja Rossija, ili Polemika travelogov. Rec. na kn.: Aleksander Dzh. Rossija glazami inostranca // Ab Imperio. 2011. № 2. S. 397–405.]

Храпунов Н. И. Херсонес в описаниях европейских путешественников конца XVIII — начала XIX в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2011b. Вып. 17. С. 595–630. [Hrapunov N. I. Hersones v opisanijah evropejskikh puteshestvennikov konca XVIII — nachala XIX v. // Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii. 2011. Вып. 17. С. 595–630.]

Храпунов Н. И. Крымский полуостров после присоединения к России в сочинении Бальгазара фон Кампенгаузена // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2013. Вып. 18. С. 456–473. [Hrapunov N. I. Krymskij poluostrov posle prisoedinenija k Rossii v sochinenii Bal'tazara fon Kampengauzena // Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii. 2013. Вып. 18. С. 456–473.]

Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешественников, 1790–1840. СПб., 2004. [Shenle A. Podlinnost' i vymysel v avtorskom samosoznanii russkoj literatury puteshestvij, 1790–1840. SPb., 2004.]

Шербатов М. История российская от древнейших времен. Т. 1. СПб., 1770. [Shherbatov M. Istorija rossijskaja ot drevnejshih времен. T. 1. SPb., 1770.]

Эрнст Н. Л. Эски-Кермен и пещерные города Крыма // Изв. Таврич. общества истории, археологии и этнографии. 1929. Т. 3. С. 15–43. [Jernst N. L. Jeski-Kermen i peshhernye goroda Kryma // Izv. Tavrich. obshhestva istorii, arheologii i jetnografii. 1929. T. 3. S. 15–43.]

Callataÿ F. de. Early Numismatic Research on Royal Bosphoran Coins (17th–18th Centuries) // XVI Всероссийская нумизматическая конференция : тез. докл. и сообщ. СПб., 2011. С. 226–227. [Callataÿ F. de. Early Numismatic Research on Royal Bosphoran Coins (17th–18th Centuries) // XVI Vserossijskaja numizmaticheskaja konferencija : tez. dokl. i soobshh. SPb., 2011. S. 226–227.]

Camperhausen B. von. Bemerkungen über Rußland. Besonders einige Provinzen dieses Reichs und ihre Naturgeschichte betreffend... Leipzig, 1807.

Clarke E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Part the first. Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 1–2. London, 1817.

Coxe W. Travels in Poland, Russia, Sweden, and Denmark. 5th ed. Vol. 2. London, 1802.

Craven E. A Journey through the Crimea to Constantinople... London, 1789.

- Cronin V.* Catherine, Empress of All the Russias. New York, 1978.
- Cross A.* By the Banks of the Neva: Chapters from the Lives and Careers of the British in the Eighteenth-Century Russia. Cambridge, 1997.
- [Defoe D.]* The Farther Adventures of Robinson Crusoe... London, 1719.
- Eisner R.* Travelers to an Antique Land: The History and Literature of Travel to Greece. Ann Arbor, 1993.
- Formaleoni [V.]* Histoire philosophique & politique du commerce, de la navigation, et des colonies des anciens dans la Mer-Noire... T. 1–2. Venise, 1789.
- Gassner F.* Imagining Russia: A Scottish Perspective // Journal of Irish and Scottish Studies. 2011. Vol. 5. Issue 1. P. 29–47.
- Guthrie M.* Dissertations sur les antiquités de Russie... Saint-Petersbourg, 1795.
- Guthrie M.* A Tour, Performed in the Years 1795-6, Through the Taurida, Or Crimea... London, 1802.
- [Heber R.]* The Life of Reginald Heber, D. D., Lord Bishop of Calcutta... Vol. 1. New York, 1830.
- Otter W.* The Life and Remains of Edward Daniel Clarke. New York, 1827.
- Papmehl K. A.* Matthew Guthrie – The Forgotten Student of 18th Century Russia // Canadian Slavonic Papers. 1969. Vol. 11. No. 2. P. 167–181.
- Peyssonnel [Cl. Ch.] de.* Observations historiques et géographiques sur les peuples barbares qui ont habité les bords du Danube & du Pont-Euxine. Paris, 1765.
- Sweet J. M.* Matthew Guthrie (1743–1807): An Eighteenth-Century Gemmologist // Annals of Science. 1964. Vol. 20. No. 4. P. 245–302.
- [Tott F. de.]* Memoirs of baron de Tott... 2nd ed. Vol. 1. Part 2. London, 1786.
- Voyage de deux français en Allemagne, Danemarck, Suède, Russie et Pologne, fait en 1790–1792. T. 3 : Russie. Paris, 1796.

Статья поступила в редакцию 22.09.2015 г.